

Откровенно

люди и судьбы

Большее десяти лет назад случились в моей жизни две встречи, которые и сегодня предохраняют меня от так свойственной всем нам привычки видеть лишь только то, что зримо.

На сцене конференц-зала известного в стране учреждения стояла на этот раз эстрадная певица. Густо намазанный арлекинский рот, беспорядочная копна огненно-рыжих волос, юбка вызывающе короткой длины, - и каждый ответ на вопрос тоже как вызов.

- Чем вы объясняете свою популярность?

- Во-первых, я красивая. Во-вторых, не худая. В третьих, - у меня есть и, в-четвертых, и в-пятых... Достаточно?

- Ваши конкуренты на советской эстраде?

- У меня нет конкурентов!

- Как вы относитесь к пению под фонограмму?

- Я плохо отношусь к разговорам на эту тему: вы же не снимаете на людях парик и не вынимаете вставные зубы.

- На чье плечо вы можете опереться?

- Опираются на мои плечи.

- Что такое, по-вашему, несчастная любовь?

- Это я для других.

- Не кажется ли вам, что ваших поклонников было бы больше, если бы ваша юбка была длиннее? И манеры не столь вульгарны?

- Когда я была застенчива и юбка была правильной длины, и челка поменьше, - где были вы с вашими овациями?

Всем нам, женщинам, свойственно стремление прихорашиваться, стараться на людях выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле. А она перед серьезными людьми - будто перед подростками, что осаждают ее подъезд. Это сейчас, когда «звезды» и «звездочки» весьма охотно перед миллионными зрителями раздевают себя, бывает, что и буквально весь этот разговор выглядит невинно. Тогда же в зале был просто шок: «Боже, как вульгарна. Как самонадеянна! И кому только в голову пришло пригласить ее к нам?»

Вторая встреча была никак с эстрадой не связана. Случайно узнаю: где-то на окраине Москвы, в заводском клубе - репетиция нового сочинения Альфреда Шнитке, симфонической поэмы «Фауст». Той его части, где в извечные раздумья о цене жизни и смерти, о Боге врываются жесткие современные ритмы нашего кровавого века и звучит резкий микрофонный женский голос. Шнитке - это же полуподпольное имя! Широко известный за рубежом, он был почти не исполняем у нас. Сам маэстро репетирует! Хватаю такси, с трудом разыскиваю этот клуб - и в небольшой комнате, едва вмещающей музыкантов, вижу Шнитке, сидящего молча, в уголке. А хозяйка всего - певица. Бледное ненакрашенное лицо, открытый высокий лоб и голос - то мягкий, то агрессивный, то нежный, то гротесковый, он такой силы, будто раздвигает узкие, тесные стены. Но певица явно недовольна чем-то, садится сама к роялю: «Вот смотрите: это танго должно быть ресторанным, мещанским. А это - железное, как фашистский марш». Она начинает петь сидя, вполголоса, потом встает, голос уже звучит в полную силу: «Дайте мне сейчас колокола! Нет, не такие, здесь переход к року, колокола в его ритме, еще быстрее, еще тревожнее! Как на пожаре - вот так!» И волосы ее по плечам, как языки пламени, а рука с микрофоном поднята - в протесте, призыве, предостережении? Сама, как колокол.

Такие вот две встречи с двумя женщинами. И не было бы в их сопоставлении ничего примечательного - одно дело эстрада, другое - современная классика, если б не одно обстоятельство: двух певиц - нет. И там, в конференц-зале, шокируя публику, считающую себя интеллигентной, и тут, в заводском клубе, вровень с истинной интеллигентностью, стояла одна и та же женщина. Алла Пугачева.

В таланте, как и в любом человеке, есть первый, второй, третий - много словес. Если не только смотреть, но и видеть, слышать, а не только слушать. Не дни - долгие недели проведу я потом вблизи Аллы Борисовны Пугачевой, пока не пойму: кажется, она срывает с себя покровы, а на самом деле надевает личину, чтобы спрятать себя. «Во-первых, я красивая...» Да никогда не считала она себя красивой! На старых семейных фотографиях увидела я вescuшчатую девочку с гладко зачесанными волосами, с открытым упрямым лбом, неизменно строго, без улыбки глядящую в объектив. Фотографии показывала мне Зинаида Архиповна, мама, - строго посаженная голова и неожиданно мягкая улыбка. «Это Аллочка в Колонном зале, ей шесте лет. Шла на концерт спокойно, а как увидела переполненный зал, поблелела, спряталась за кулисы - росла очень застенчивой. Но я сказала: «Надо, Алла», - и она послушалась. Эдакая послушная отличница-очкарик...» Она и была отличницей. Редкие четверки

появились у нее только тогда, рассказывала мама, когда приближались экзамены в главной школе - музыкальной... «А это Алла в Малом зале Консерватории - как играла!... Все прочили ей будущее пианистки».

«Почему вы для своего «Фауста» выбрали именно Пугачеву?» - спросила я Шнитке. «Я прислушивался ко многим - она одна понимает, что поет: смысл слов. Но я не был уверен в своем выборе, пока Алла Борисовна не села к инструменту - серьезный музыкант». А когда Пугачева написала первые свои песни, ей и в голову не могло прийти, что их примут. И тогда она придумала несуществующего композитора Бориса Горбоноса, который якобы и живет далеко,

ко, текли не реки - а реченьки, лежали не камни - а камушки». То было стылое время, теперь мы говорим: «застой». И в стоячее это болото она бросала не камушки и не камни - булыжники. Не просто горе - отчаяние, и не радость даже - экстаз - вот что такое были песни Пугачевой. Она бунтовала против апатии, усталости, равнодушия, бессердечности, лицемерия, «Жить, а не существовать!» - это были не только слова любимой песни - эпитафия ко всему, о чем и как пела. Маска счастливо найденного «Арлекино» - соединение смеха и плача - тут была как нельзя кстати. Все как бы чересчур, все вперехлест. И одни разговорно принимали ее, другие так же безговорочно от-

ную партию исполняла не Пугачева...

Я написала тогда о своих встречах и разговорах с Пугачевой - и материал отправили в ЦК КПСС! На согласование. Вернулся он весь исполосованный красным карандашом. Даже по тем временам, привычным к цензуре, это поразило. А она не удивилась: «Я так и знала». Помолчав, добавила: «Пусть...» И в этом «пусть» было столько горечи... Теперь эта история кажется смешной и дикой. Она ведь никогда не пела ни о какой политике! В ее репертуаре не было песен социального протеста или гражданской скорби. Она пела только о чувствах. О естественных человеческих чувствах. Но в мире неестественном, лицемер-

зала: «Любят меня - там», и показала рукой на окно, на улицу, на город. А может, и на всю страну - где-то же должен был быть человек, способный любить ее так, как она о любви пела.

«Я иду на сцену за тем, чего мне не хватает в жизни» - поразительное признание для женщины, отнюдь не склонной к признаниям вне сцены.

Потом случилось так, что я надолго, на годы, уехав работать за границу, потеряла ее из виду. Изредка доходили лишь слухи, а то и просто слетни - они вокруг этого имени всегда клубились, как змеи. С огромным успехом выступила в Америке, устроила скандал в какой-то гостинице, сделала себе пластическую операцию, разошлась с очередным мужем - и прочее, прочее...

Когда вернулась, включила телевизор - поразилась тому, сколько же замелькало, засуетилось, запрядало на эстрадной сцене мини-пугачевых! Будто ее растражировали. Но вместо безоглядной искренности - самолюбование, вместо раскованности - обычная развязность, вместо слов - словечки. Как сказал один умный человек, все степенью понизилось и страшно возросло числом. Самой Пугачевой видно не было, то ли гастролировала за границей, то ли переживала очередной творческий кризис, когда надолго уходила в себя, не показываясь на люди. Узнала, что, так и не дождавшись режиссера для себя, стала им для других, создала свой театр, получила наконец звание, - и теперь те, кто ранее воротил от нее свой снобистский нос, наперебой добивались с ней знакомства. Персона нон грата стала живой легендой - другие времена.

И вдруг известие: Алла Пугачева выходит замуж за Филиппа Киркорова. И снова: «Ну, очередной финт «звезд»! Да он же моложе е!» Венчание в церкви. И опять: «Да все это реклама!» Другие времена, но мы-то прежние, увы.

И вот наконец я снова вижу ее на сцене. Бог ты мой, да она моложе, чем была десять лет назад! Но где же тот арлекинский рот? Где этот густой грим, скрывающий ее настоящее лицо? Сбросила маску? «Да, - говорит она, - я сняла маску, вышла на сцену, какая есть. А люди подумали, что я надела новую. Пусть». Но в этом ее «пусть» на этот раз ни вызова, ни горечи.

*Любовь, похожая на сон,
Счастливым сделала мой дом,
Но вопреки законам сна
Пусть не кончится она!*

Что в этих простых, чтоб не сказать незатейливых, словах? Но как же ликующе искренне, с какой силой мольбы и страсти она их поет! Многочисленные ее интервью в газетах, журналах, на телевидении - теперь-то не приходится пробивать их через ЦК - поразительные для той Пугачевой, что прятала свое истинное я, признания: «Когда я пою «Не отрекаются любя», так счастливая сейчас в семейной жизни, я вспоминаю то, что было, и у меня катятся слезы: как я могла выдержать то, что было раньше?» «Я не привыкла даже, что за меня платят». «Мне для счастья нужен был такой, как Филипп, который еще много лет назад на всю Германию кричал: «Я вас люблю». «Филипп уезжает, и без него все тускнеет». «Если он будет любить меня так, как любит сегодня, я буду петь еще вечность».

Мечтает петь вечность, но объявляет, что оставляет сцену на целых два года! «Хочу отдохнуть». И правда: имеет право. Но полная правда не в том ли, что мечтает о ребенке? Имеющая уже внука, никогда не скрывавшая своего возраста, она хочет иметь дитя от той любви, которую так долго искала. И говорят, не просто желание развлечься привело ее в Швейцарию, - желание этого ребенка выносить, сохранить. Да помогут в ее стремлении силы небесные.

Последний раз я видела ее в день президентских выборов. Никогда не прикасавшаяся к политике, она и шагу не сделала навстречу властям. Впрочем, как и они к ней. Это было, как две параллельные прямые, которые скрещивались лишь в известном анекдоте. «Вопрос: кто такой Брежнев? Ответ: мелкий политический деятель эпохи Пугачевой». Да еще в детской «шпательке», записанной где-то на Урале: «Алла, Алла Пугачева, Алла стела Горбачева. Горбачев ей изо рта: Алла, Алла, ты куда?»

Но тут она пошла на участок, а когда ей сказали, что люди голосуют неохотно, - была внаочал легкая паника - обернула к камере свое молодое интеллигентное, серьезное лицо: «Равнодушные хуже коммунистов. Встаньте, равнодушные! Поднимитесь, пофигисты! Холлопами мы уже были».

Положим, она-то холлопом ничьим никогда не была. Но, видно, уж очень ей не хотелось перед холлопами снова надевать маску...

Инна РУДЕНКО.

Про Аллу

Алла у дома. За ней домработница несет любимого Кузу.

да и болен, сам прийти не может. И показала фотографию: за роялем сидел молодой человек довольно унылой наружности - оказалось, она сама в парике и очках. Песни приняли. В маску поверили - ей нет.

Что там такое она наговорила о лении под фонограмму? Да она всегда пела живьем! Видела ее перед концертом, в примерной, неизменно окаменевшую от волнения, и после концерта, неизменно опустошенную - так отдавала себя. Это она-то не думает о конкурентах, десять лет выступавшая по далеким клубам, по столовым, наспех превращенным в концертный зал, - в полной безвестности? «Я искала свою песню. Платить можно надеть с чужого плеча, песню - нет». Понадобилось целых десять лет, чтобы появился «Арлекино», враз сделавший ее знаменитой.

Но популярность, как известно, легче приобрести, чем удержать. Сколько раз я слышала от нее: «У меня творческий кризис!» Так мучительно она готовила новые концертные программы.

Никакая она не родня Емельяну Пугачеву, как говорили. Но вот пугачевский бунт был. «Она взорвала традиционное представление об эстраде, - скажет мне Илья Резник, - до Пугачевой на эстраде жили не горе - а горюш-

вергали. Она собирала огромные стадионы - и не была принята в «хороших» домах. После концертов тысячные толпы часами ждали появления своей любимицы, но не нашлось ни одного серьезного режиссера, который помог бы ей, как некогда Александров помог Орловой, о чем Пугачева так мечтала. Это - ранило. Но Пугачева не была бы Пугачевой, если б свою ранимость открыла. Ах, вы считаете, что вульгарна? Нате вам: и она еще гуще рисовала свой арлекинский рот, еще выше поднимала юбку, еще ниже опускала свою знаменитую рыжую челку. Только такой многие и знали ее. «Алла Борисовна, - сказала я ей как-то осторожно, - и вне сцены нести бремя своего ампула трудно - да и зачем?» - «Меня отождествляют с моей героиней? Пусть!» И в этом «пусть» был такой вызов!

«Эй, вы там, наверху!» - с таким же вызовом пела-кричала она на сцене. Наверну ее не любили. Полным крахом кончилось сотрудничество Пугачевой со Шнитке. «Пугачеву - и в Консерваторию? Да никогда!» - сказали ему. «Петь Шнитке? Там ведь что-то о Боге - да ни за что», - сказали ей. И первое исполнение «Фауста» состоялось за границей, в Вене. Композитор был доволен, оркестр звучал превосходно, жаль только, сказал Шнитке, что вокаль-

ном, бесчеловечном, в мире масок. И потому казалась политически опасной.

«Я не певица. Я женщина, которая поет!» - не раз повторяла Пугачева. «Я пою только то, что пережила, передумала, прочувствовала сама». А женщина - это любовь, чтоб там ни придумывали про нас феминистки разного рода. Она и пела любовь. Огромную - как миллион алых роз. Как там она сказала? «Несчастливая любовь - это я для других?» Откуда же тогда исполненные боли признания: «Так и скажи, что не любишь меня?» «Сколько раз ты меня раздала», «Море счастья обмелевало», и река любви замерзла» «Не отрекаются любя?»

Зинаида Архиповна, мама как-то с грустью заметила: «Трудно Аллочке сейчас разоблачить - кто любит ее, а кто любит ее славу». А мне вспомнилось одно семейное застолье, рядом с ней сидел человек, который назывался мужем, - красивый, молодой, высокий, рядом с ней он как-то всегда казался меньше ростом, - сидели еще какие-то люди, было шумно, весело, все говорили ей, как ее любя, а она вдруг отодвинула чью-то услужливо протянутую рюмку очередной рюмкой и неожиданно для всех в полном диссонансе с происходящим скар-

Фото из журнала «Семья»